

RU

Смеховая форма высказывания как средство конструирования идентичностных установок в сатирическом дискурсе М. Задорнова (1990-2017)

Егорова Л. Г.

Аннотация. Цель исследования – установить закономерности функционально-стилистической трансформации смеховой формы высказывания в сатирическом дискурсе М. Задорнова 1990-2017 гг. в аспекте дискурсивного конструирования идентичностных установок. Материалом исследования послужил корпус публицистических текстов авторского сайта zadornov.net и видеозаписей монологов М. Задорнова общим объемом около 45 тыс. словоупотреблений. Научная новизна исследования состоит в выявлении закономерностей функционально-стилистической трансформации сатирического дискурса М. Задорнова: впервые определена роль языковых механизмов создания комического в конструировании национальной идентичности и установлена динамика функций смеха в разные периоды творчества автора. Отмечено, что этот процесс обеспечивается посредством прецедентных текстов, трансформированных фразеологизмов, бинарной оппозиции «мы – они», гиперболы, градации, пародии и этимологического мифотворчества. Выявлена функциональная трансформация смеха от карнавальной самоиронии 1990-х гг. через усиление бинарной оппозиции «мы – они» в 2000-х гг. к мобилизационному смеху 2010-х гг. Результаты исследования показывают, что смеховая форма высказывания способствует включению ценностно насыщенных суждений в систему разделяемых аудиторией культурных представлений и выступает одним из языковых средств конструирования национальной идентичности.

EN

Humorous mode of utterance as a means of constructing identity-related attitudes in Mikhail Zadornov's satirical discourse (1990-2017)

L. G. Egorova

Abstract. The aim of the study is to identify the patterns of the functional and stylistic transformation of laughter in Mikhail Zadornov's satirical discourse from 1990 to 2017 taking into account the construction of identity-related attitudes among a mass audience. The material of the study comprises a corpus of journalistic texts published on the author's website, zadornov.net, and video recordings of Mikhail Zadornov's monologues, totaling approximately 45,000 word tokens. The scientific novelty of the study lies in identifying the patterns underlying the functional and stylistic transformation of Mikhail Zadornov's satirical discourse: for the first time, the role of linguistic mechanisms of creating the comic in the construction of national identity has been determined, and the dynamics of the functions of laughter across different periods of the author's creative career have been established. It has been noted that this process is realized through precedent texts, transformed phraseological units, the binary opposition "us – them", hyperbole, gradation, parody, and etymological myth-making. A functional transformation of laughter has been identified: from the carnivalesque self-irony of the 1990s, through the intensification of the binary opposition "us – them" in the 2000s, to mobilizational laughter in the 2010s. The results of the study demonstrate that the humorous mode of utterance facilitates the incorporation of value-laden judgments into a system of cultural representations shared by the audience and functions as one of the linguistic means of constructing national identity.

Введение

Актуальность исследования определяется значимостью юмористического медиадискурса для публичной коммуникации, где смеховая форма используется не только для создания комического эффекта, но и для выражения ценностных оценок, разграничения «своих» и «чужих», консолидации адресатов и снижения статуса

символического оппонента. В связи с этим для современной медиалингвистики актуальным становится выявление языковых и стилистических механизмов, посредством которых аксиологически маркированные суждения включаются в смеховое высказывание и приобретают характер разделяемых аудиторией представлений. Особую значимость данная проблема получает применительно к постсоветскому медиадискурсу, в котором переосмысление национального прошлого, государственного опыта и цивилизационной принадлежности осуществлялось в том числе средствами массовой сатиры. Творчество М. Задорнова представляет в этом отношении показательный материал: эволюция его дискурса от карнавальной самоиронии 1990-х гг. к усилению оппозиции «мы – они» в 2000-х гг. и мобилизационному смеху 2010-х гг. позволяет установить, как изменение функций смеховой речи связано с трансформацией способов конструирования национальной идентичности.

Задачи исследования: 1) конкретизировать теоретико-методологический подход к изучению смеховой формы высказывания в аспекте конструирования национальной идентичности и раскрыть содержание идентификационной и мобилизационной функций смеха; 2) провести функционально-типологическое сопоставление текстов М. Задорнова разных периодов и разработать периодизацию его сатирического дискурса; 3) выявить и систематизировать языковые средства и стилистические приемы, актуализирующие общий культурный код и участвующие в разграничении «своих» и «чужих»; 4) установить взаимосвязь между динамикой функций смеха и изменением языковой и риторической организации сатирического дискурса М. Задорнова.

Материал исследования составили публицистические тексты М. Задорнова, размещенные на официальном сайте zadornov.net, и видеозаписи его монологов, представленные на официальном YouTube-канале «Задор ТВ». Основной корпус включает 42 публицистических текста и расшифровки 12 видеозаписей общим объемом около 45 тыс. словоупотреблений. Монологи 1990-2000-х годов и фельетоны книги «Вдруг откуда ни возьмись» (Задорнов, 2006) привлекались в качестве фонового корпуса для реконструкции творческой эволюции автора.

Теоретическая база исследования формируется на пересечении культурно-исторического, функционального и лингвокультурного подходов к изучению смеха. Основополагающее значение для понимания смеха как культурного феномена имеет концепция народной смеховой культуры и карнавала М. М. Бахтина (1990). Карнавальный смех, по мнению ученого, всенароден, универсален и амбивалентен: он одновременно утверждает и отрицает, рождает и хоронит, временно упраздняет социальные иерархии и восстанавливает равенство участников карнавального действия. Разграничивая официальный и смеховой полюса культуры, М. М. Бахтин рассматривает их динамическое соотношение как одну из характеристик культурной эпохи.

В русской культуре массовые карнавальные формы не получили того системообразующего значения, которое они имели в западноевропейской традиции, носителями смехового начала здесь выступали скоморохи и юродивый. Скоморох посредством игрового поведения и комического представления обнажал противоречия общественной жизни, тогда как юродивый соединял «мир смеха и мир серьезности», обличая с позиций христианской нравственности (Лихачев, Панченко, Поньрко, 1984). Поэтому русская смеховая традиция характеризуется устойчивым сопряжением комического и серьезного начал: смех в ней выполняет не только развлекательную, но также нравственно-оценочную и социально-критическую функции. Эта традиция образует культурно-исторический контекст, в котором может быть рассмотрен сатирический дискурс М. Задорнова.

Функциональный аспект исследования опирается на концепцию смеха как социокультурного феномена, разработанную А. А. Сычевым. Проследивая развитие отечественной смеховой традиции от ритуально-мифологических форм до культуры Нового времени, исследователь отмечает, что своеобразными носителями смехового начала в России становятся «добровольные изгои» – скоморохи и юродивые, создающие «карнавал в одиночку» (Сычев, 2003). В предложенной ученым типологии выделяются коммуникативная, игровая, социализирующая, санкционирующая, компенсаторная и познавательная функции смеха. Особое значение для настоящего исследования имеют коммуникативная функция, обеспечивающая групповое единение, санкционирующая, реализующая социальный контроль посредством осмеяния, и компенсаторная, способствующая преодолению общественного и психологического напряжения в кризисные периоды. Развивая данную типологию применительно к сатирическому дискурсу, мы выделяем в дискурсе М. Задорнова две производные функции, значимые для конструирования патриотических установок: идентификационную (смех углубляет самоидентификацию и сплочение членов социальной группы) и мобилизационную (смех превращается в инструмент патриотической консолидации). Под мобилизационным смехом в настоящей работе понимается смех, функционирующий как инструмент патриотической консолидации и снижения критической дистанции аудитории: патриотическое суждение, поданное в смеховой форме, переводится из сферы обсуждаемого в сферу культурной пресуппозиции, не подлежащей рациональному оспариванию. В отличие от карнавального смеха, мобилизационный смех однонаправлен, закреплён за фигурой «чужого» и подчинен задаче сплочения «своих». Такое понимание согласуется с современными исследованиями политической коммуникации, в которых юмор связывается с обозначением групповых границ, консолидацией сторонников, укреплением собственной позиции и снижением статуса оппонента (Koivukoski, Laaksonen, Zareff et al., 2025).

Лингвокультурный аспект исследования связан с пониманием юмора как коммуникативного механизма распознавания «своих». В. И. Карасик (1997), разрабатывая семиотическую типологию анекдота, обращается к введенному Д. Хаймсом понятию «ключа общения» – культурно обусловленного способа интерпретации высказывания, позволяющего адресату распознать его юмористическую модальность. Понимание анекдота предполагает владение общим культурным кодом рассказчика и слушателя, тем самым юмористическая коммуникация становится средством групповой самоидентификации. Сходное представление об анекдоте как речевом жанре, основанном на общем фонде культурных знаний коммуникантов, представлено в исследованиях

Е. Я. Шмелевой и А. Д. Шмелева (2002). Применительно к сатирическому дискурсу М. Задорнова это положение позволяет интерпретировать имплицитные отсылки к фольклорным, литературным и историческим текстам как средство установления культурной общности автора и аудитории.

Связь юмора с национальной идентичностью раскрывается в исследованиях Н. В. Лучкиной (Лучкина, Мирзоева, Проценко и др., 2022, с. 255): юмористический текст содержит представления о национальном характере и может служить средством как персональной, так и групповой самоидентификации; герой анекдота в таком случае выступает собирательным образом, в котором закрепляются приписываемые определенному национально-культурному сообществу психологические и поведенческие характеристики. А. Таковски (Takovski, 2025) разграничивает юмор, объектом которого являются этнические группы, и юмор, непосредственно актуализирующий составляющие этнической идентичности. Теоретически значимыми для исследования являются концепции повседневного национализма М. Биллига и воображаемого сообщества Б. Андерсона. Подход М. Биллига (Billig, 1995) делает возможным рассмотрение повторяющихся речевых формул, привычных номинации и оппозиции «свои – чужие», как средств повседневной актуализации национальной принадлежности. Понимание нации как воображаемого сообщества, предложенное Б. Андерсоном (2001), позволяет интерпретировать тексты, культурные образы и распознаваемые аудиторией шутки как символические средства поддержания групповой общности.

Языковые средства создания комического в творчестве М. Задорнова рассматриваются в работах Г. Г. Феловой (2017) и М. Н. Крыловой (2020): выделяются характерные для текстов сатирика обращения к прецедентным феноменам, трансформации фразеологизмов и стилистический контраст, анализируется эвфемизация в юмористическом дискурсе, отмечается, что она, с одной стороны, смягчает прямолинейность критической оценки, а с другой – усиливает воздействующий потенциал высказывания за счет его имплицитности и участвует в формировании речевого образа интеллигентного рассказчика. Таким образом, представленные работы формируют лингвостилистический контекст анализа роли лингвостилистических средств выражения комического в текстах М. Задорнова в конструировании национальной идентичности и изменении их функций на разных этапах его творчества.

Методология исследования определяется дискурсивно-стилистическим подходом отечественной медиалингвистики (Дускаева, 2012). Используются следующие методы: контекстуально-стилистический анализ – выделение приемов создания комического (прецедентный текст, трансформация фразеологизма, гипербола, градация, оксюморон, языковая игра, этимологическая фигура); дискурс-анализ бинарной оппозиции «мы – они» с фиксацией ее лексических и синтаксических маркеров; функционально-типологический анализ смеха с опорой на типологию А. А. Сычева с добавлением мобилизационной и идентификационной функций; интенциональный анализ по типологии Л. Р. Дускаевой (2012) (информирующая, оценочная, воздействующая интенциональные установки); приемы сравнительно-исторической контекстуализации, позволяющие соотнести дискурс Задорнова с русской смеховой традицией скоморошества и юродства (Лихачев, Панченко, Понырков, 1984; Сычев, 2003) и концепцией повседневного национализма (Billig, 1995; Андерсон, 2001).

Уточним: в нашем понимании смеховая речь не формирует патриотизм как прямое воспитание, она выполняет три частные задачи. Во-первых, поддерживает в обращении набор образов «нашего» и «чужого». Во-вторых, переводит спорные суждения о стране и ее соседях в форму, при которой возражение становится социально неудобным: возражать шутке – значит выглядеть лишенным чувства юмора. В-третьих, консолидирует аудиторию благодаря общему культурному запасу – узнаваемым цитатам, фразеологизмам, прецедентным именам: кто понимает шутку, тот «свой».

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его результатов в курсах медиалингвистики, стилистики и анализа медиадискурса, а также в медиакритике и при анализе персуазивных стратегий публицистического и сатирического медиадискурса.

Обсуждение и результаты

М. Задорнов: эволюция образа и дискурса

Социокультурным контекстом формирования сатирического дискурса М. Задорнова стала трансформация соотношения официальной и неофициальной смеховых культур в позднесоветский и постсоветский периоды, когда фельетон, памфлет и карикатура могли выполнять идеологически санкционированные функции, а анекдот, напротив, выступал формой неофициальной интерпретации действительности и иносказательного выражения критической оценки. Ослабление цензурных ограничений в период гласности создало условия для перехода скрытой смеховой критики в пространство открытой публичной сатиры (От великого до смешного..., 2013).

Творческую эволюцию текстов М. Задорнова, по нашему наблюдению, можно условно разделить на три периода – 1990-е, 2000-е и 2010-2017 годы, – отражающих изменение как авторского взгляда, так и функциональной направленности высказывания. При этом речь идет преимущественно о смене доминирующих моделей: отдельные произведения могут совмещать черты разных этапов, однако именно в таком распределении наиболее отчетливо проявляется изменение акцентов смеховой оценки. В первом периоде смех у сатирика преимущественно обращен «внутрь» и работает по типу карнавальной самоиронии: насмешка над собой как над «нашим человеком» сама по себе еще не несет прямой патриотической нагрузки, она поддерживает прежде всего чувство общности с тем, кто над собой смеется. Во втором периоде объект смеха

смещается: повседневный национальный знак (по М. Биллигу (Billig, 1995)) включает фигуру внешнего противника, и шутка о «них» становится способом утверждения «нас». В третьем периоде наряду со смехом возрастает роль мифологизированных представлений об истории и языке: национальное прошлое и национальный язык подаются как образ утраченного величия, восстановление которого ставится целью.

Ключевым для понимания роли автора в формировании чувства национальной гордости, полагаем, служит понятие «стихийный патриотизм». В отличие от государственной пропаганды, апеллирующей к разуму, сатира М. Задорнова работает с эмоциями, архетипом и бессознательным. На фоне общей картины речевых изменений 2000-х годов, описанной М. А. Кронгаузом (2007), дискурс сатирика оказался одной из риторических площадок, благодаря которой эти изменения проходили публичную апробацию. Механизм работал через бинарную оппозицию «мы – они»: «великие, мудрые, духовные русичи» / «тупые, бездуховные, меркантильные американцы». Апелляция к образу «великой страны» и «уникального народа» восполняла психологический дефицит самоуважения, образовавшийся в 1990-е годы. Карнавальная самоирония первого периода показательно представлена в монологе «Мы» (Задорнов, 2016), где сатирик выстраивает длинный ряд парных характеристик «нашего человека»: «Мы – удивительные люди. Хотим жить как все, при этом быть непохожими на остальных. У нас безработица при избытке рабочих мест. Мы сочувствуем уму, а голосуем сердцем. Робкие в быту, герои – на войне. Чтим погибших, не доплачивая выжившим». Каждая пара построена на антитезе, где каждый узнает себя, смех направлен на собственную аудиторию, т. е. смех объединяет группу и одновременно мягко указывает на расхождение сущего и должного.

Для второго периода показателен фрагмент выступления М. Задорнова, где сатирик выстраивает развернутое противопоставление «Родина/Государство»: «Родина связана со словами “род”, “родня”, “народ”. Родина – то, что мы любим. А государство... У нас с ним все время проблемы». Далее: «У нас есть два слова: Родина и Государство. Родину мы любим. Поэтому Родина – “мать наша”, а государство – “мать вашу!!!”» (Задорнов, 2013b). Внешний противник в этой паре еще не назван, но конструкция «мы – они» уже подготовлена. В дальнейшем место «они» займут «Запад», «торгаши», «Гитлер», «Наполеон». Показательно, что это противопоставление подано в виде шутки, не лозунга: «У нас Родина за углом дежурит», «У Родины дорог не было».

Третий период – мифологический разворот – представлен в постах о Рюрике, Орде и Гиперборее. Сатирик вводит мифологический ряд «Род – Родина – безродные»: «...защищает свой Род от всяческих безродных. И только последнее время безродные змеюками обвили наше Древо, иссушая его». В зарисовке «Сила славян в единстве!» Орда подана как сила, спасающая русский Род: «Пришла Орда и сохранила наш Род!» (Задорнов, 2014b). Гиперборея служит источником «доледниковой» цивилизации, наследниками которой объявляются славяне: «Мы, славяне, прямые потомки ариев, которые, в свою очередь, были потомками гиперборейцев, и мы действительно бережем тот язык, который созрел еще в те доледниковые времена у очень высоко развитого человечества» (Задорнов, 2013c). В этих текстах смех уже не самостоятелен: он сопровождает мифологический сюжет и работает на устранение возражений (возразить шутке – значит выглядеть лишенным чувства юмора). Идентификационная функция и образ воображаемого сообщества в этих текстах соединяются.

Языковые и риторические механизмы конструирования патриотического дискурса М. Задорнова

Прецедентные тексты и национальные культурные коды

Одним из ведущих приемов в текстах М. Задорнова служит обращение к прецедентным феноменам. По объему прецедентный текст варьируется от афоризма до эпического произведения; в юмористическом дискурсе он, как правило, вводится имплицитно – читатель самостоятельно восстанавливает исходный источник, и это узнавание работает как канал распознавания «своего» (Красных, 2003).

В миниатюре о победе России над Наполеоном прием разворачивается через сжатую отсылку к историческому событию: «Наполеон решил освободить русское государство от крепостного права. А ты у Родины спросил? Его крестьяне гнали обратно до Парижа» (Задорнов, 2012). Прецедентное имя (Наполеон) и прецедентная ситуация (Отечественная война 1812 г.) не поясняются: аудитория узнает исторический сюжет и опознает себя как носителя единой культурной памяти. Такая экономия речевых средств работает как маркер принадлежности к «своим»: непонимание отсылки исключает адресата из круга посвященных.

Второй тип обращения к прецеденту – включение исторического имени в афористическую формулу, где герой прошлого поставлен рядом с современным конфликтом. В фельетоне о Древней Руси Задорнов сводит целый ряд имен и событий в единый ряд: «Великий князь Александр Невский это понимал и принял Орду, как спасительницу. Орда поддержала его конницей в битве против тевтонцев – будущих натовцев. В Грюнвальдском знаменитом сражении самый бесчеловечный рыцарский орден крестоносцев был уничтожен сборной славянорусов при поддержке татарской конницы!» (Задорнов, 2013b). Прецедентные имена перенесены в политический словарь современности с помощью формулы «тевтонцы – натовцы». Историческая память используется как аргумент в актуальной полемике: перенос имени с прошлого на настоящее заменяет доказательство.

Третий тип – прецедентная цитата как маркер эмоциональной общности. Сатирик приводит куплет из солдатской песни времен Первой мировой и Гражданской войн: «Играй же, музыка, играй победу / Мы одолели, и враг сражен. Раз! Два! / Так за Царя, за Русь, за нашу Веру / Мы грянем дружное ура, ура, ура!» (Задорнов, 2014c). Здесь прецедентный текст воспроизведен почти дословно, комическое отступает, на первый план выходит функция коллективного узнавания. У позднего Задорнова прецедентный текст все чаще выполняет именно эту роль – эмоциональной опоры и общей памяти, а не источника языковой игры.

Четвертый тип – прецедентная формула как аксиома. Тютчевское «Умом Россию не понять» вошло у сатирика в круг устойчивых цитат, функционирующих как последний аргумент, не подлежащий обсуждению. Тезис о непостижимости России полагается исходным: *«Нас победить нельзя. Потому что у нас есть разница между родиной и государством, которую на Западе не поймут»* (Задорнов, 2012). Цитата из Тютчева не приводится, но стоит за рассуждением как культурная предпосылка, узнавание исходной поэтической строки происходит за счет культурной памяти адресата.

Функция прецедентных феноменов у Задорнова двойная. С одной стороны, они удостоверяют принадлежность аудитории к единой культурной традиции (Пушкин, Тютчев, Александр Невский, Суворов, солдатский фольклор Первой мировой – все они входят в национальный культурный код); с другой – через комическое или патетическое обыгрывание снижают позицию оппонента: тот, кто не опознает отсылку, оказывается вне круга «своих».

Трансформированные фразеологизмы и языковая игра

Второй по частотности прием – трансформация устойчивых выражений и языковая игра, при которой преобразованный компонент устойчивого выражения одновременно сохраняет старый и открывает новый смысл. У Задорнова этот прием выполняет ту же функцию, что и в фольклорной традиции, – обеспечивает распознавание «своего» через владение общим кодом.

Первый тип трансформации – замена одного компонента фразеологизма на созвучное или тематически смежное слово в пределах прежней синтаксической конструкции. В афористической миниатюре «Родина – “мать наша”, а государство – “мать вашу!!!”» переосмыслен парный оборот: узуальное «мать наша» удерживается, а «мать вашу» из самостоятельного бранного восклицания включено в конструкцию по образцу, и обе формы читаются как грамматически однородные. Столкновение регистров – высокого («Родина») и грубо-разговорного формирует оценочное противопоставление в одной грамматической конструкции. Второй тип – игра на многозначности и грамматической омонимии. В том же тексте: *«У нас безработица при избытке рабочих мест. Мы сочувствуем умом, а голосуем сердцем. Робкие в быту, герои – на войне»*. Каждое предложение построено как антитеза внутри одной синтаксической схемы, лексические пары («умом»/«сердцем», «в быту»/«на войне») задают формулу национального характера, где противоречие подано как норма. Третий тип – трансформация пословичной формулы. Классическое «в России две беды – дураки и дороги» преобразовано следующим образом: *«Раньше в России было две беды: дороги и дураки. Теперь прибавилась третья: дураки, указывающие какой дорогой идти»*. Прецедентная формула развернута и дополнена третьей позицией, актуализирующей политическую сатиру, но узнавание исходной пословицы остается условием восприятия шутки. Четвертый тип – игровая перестановка морфем. *«Евразия – это когда больше Европы, чем Азии. А у нас больше Азии, чем Европы. Поэтому мы не Евразия, мы – Азиопа»*. Окказионализм «Азиопа» построен по модели «Евразия» с перестановкой корней и добавлением просторечного суффиксального оттенка, смеховой эффект возникает из-за столкновения географического термина и лексемы с обценной коннотацией. Пятый тип – семантическая игра на разложении цельного слова на морфемные квази-корни. «БЛАГОдеЯтели», «БЛАГОдаряю», графическое выделение корня *род* в цепочке «Род – Родина – безродные». Прием одновременно эмоционально маркирует ключевые слова и внушает читателю мысль о смысловом родстве. Общая черта всех типов – опора на узнавание. Понять трансформацию – значит владеть исходной формулой, тем самым речевая игра опознает «своих» на уровне культурного кода.

Оппозиция «мы – они» и нисходящая логика аргументации

Тексты М. Задорнова построены по устойчивой логической схеме: движение от общего тезиса к частному примеру при формально соблюденном требовании к аргументам. Схема воспроизводит ценностную оппозицию «мы – они», перенося ее с политического уровня на цивилизационный.

Отправная аксиома формулируется как непостижимость и особая роль России: *«Нас победить нельзя. Потому что у нас есть разница между родиной и государством, которую на Западе не поймут»* (Задорнов, 2012). Первый ряд аргументов – исторические прецеденты, поданные в форме притчи/афоризма: *«Гитлер выучил по картам все дороги нашей страны. Пришел – а у Родины дорог не было. Наполеон решил освободить русское государство от крепостного права. А ты у Родины спросил? Его крестьяне гнали обратно до Парижа»*. Оба примера подчинены одной схеме: внешняя сила действует против «государства», но получает отпор от «Родины». Второй ряд – суждения, оформленные как антитезы. *«Ленивые, но энергичные. Устаем на отдыхе, отдыхаем на работе <...> Робкие в быту, герои – на войне»*. Каждая пара работает как смягченная антитеза, в которой адресат опознает себя, система таких пар создает эффект исчерпывающего описания национального характера. Третий ряд – этимологические умозаключения, где звуковая близость слов служит доказательством смыслового родства. *«“Орда” – слово арийское. От слова “ряд”. В русском языке из этого же гнезда “порядок”. Листочки той же ветки – английское “order” и немецкое “ordnung”»*. Формально соблюдена структура научного вывода (тезис – примеры – обобщение), но ее основание – созвучие, а не научно подтвержденная этимология.

Близкий прием – игра на самоопределении – развернут в фельетоне «Что значит сегодня быть русским?» (Задорнов, 2014с). М. Задорнов проводит грань между этнонимом «рус» и определением-прилагательным «русский»: *«Русский – это человек, принадлежащий к Русской общности, Русской мысли, Русской душе и Русской*

земле, являющийся частью Русской цивилизации. Русский – это не национальность, а принадлежность к соответствующей идеологии и мировоззрению, а вот Рус – это принадлежность к соответствующей крови и нации». Прием интересен не как этимологическое наблюдение (оно спорно с позиций классической филологии), а как риторическая фигура: автор перенаправляет вопрос «кто мы?» с биологического основания на ценностное, оставляя возможность «русским» стать каждому, кто разделяет комплекс ценностей.

На грамматическом уровне оппозиция «мы – они» поддерживается системой дейктических средств. Личные и притяжательные местоимения первого лица множественного числа («мы», «нас», «у нас», «наш») формируют общее пространство адресанта и адресата, объединяя говорящего с аудиторией в единое «мы», тогда как местоимения и номинации третьего лица («они», «на Западе», «европейцы») выносят оппонента за пределы этой зоны. Инклюзивное «мы» не требует эксплицитного введения референта: адресат автоматически включается в него самим фактом понимания шутки. Тем самым уже дейктическая организация высказывания разводит участников на «своих» и «чужих» еще до содержательной аргументации, а оценочная асимметрия закрепляется морфологически – с помощью сочетания положительно коннотированных определений при обозначении «своих» и сниженных, ироничных номинаций для «чужих».

Гипербола, градация и пародия как способы «снижения»

Один из ведущих приемов, при помощи которого М. Задорнов формирует оппозицию «мы – они» на цивилизационном уровне, – последовательное «снижение» западного образца при помощи гиперболы, градации и пародии. Механизм этих трех приемов в комическом дискурсе описан в отечественной стилистике (Голуб, 2010) и теории карнавальской культуры М. М. Бахтина (1990).

Первый прием – гипербола, доведенная до абсурда. Пример из монолога «Мы – удивительные люди» (Задорнов, 2012): *«Главный герой – не просто шкаф, а шкаф с антресолями – после финального побоища на пустом ядерном полигоне целует, чмокая окровавленными губами, героиню-заложницу среди трупов врагов и груды затухающих ядерных боеголовок, разбившихся об его голову, в которой никогда не может случиться сотрясение, тем более – мозга»*. Каждая новая деталь усиливает предыдущую: «шкаф» – «шкаф с антресолями» – «ядерный полигон» – «груды боеголовок» – «голова, не способная к сотрясению». Западный кинематограф не назван американским, но узнаваем через набор клише голливудского боевика. Гипербола направлена на развенчание модели массового зрелища. Второй прием – градация с последовательным нарастанием абсурда. Пассаж о поведении «русского» в западном ресторане строится как цепочка нарастающих действий, каждое следующее нелепее предыдущего: *«Съев суп, может смекнуть бросить в тарелку специально принесенную гайку и устроить скандал официанту <...> получить в подарок пышный десерт в качестве извинения за гайку в супе, после чего <...> бросить в десерт оставшийся болт от гайки. И после очередного скандала запить все это подаренной от имени ресторана бутылкой “Бордо” и напоследок обматерить официанта, который все это время, пока он пил “Бордо”, стоял рядом и смотрел, чтобы он не бросил в “Бордо” еще какой-нибудь фланец»*. Градация «гайка – болт – фланец» работает одновременно на два образа: «наш» человек с врожденной смекалкой – и западное сервисное заведение, вежливо капитулирующее перед ней. В синтаксическом отношении градация реализуется как цепочка однотипных предикативных конструкций, соединенных сочинительной и бессоюзной связью, с нарастанием семантической интенсивности; синтаксический параллелизм однородных членов и повтор структурной модели («съев суп... бросить... получить... бросить... запить») создают эффект накопления, при котором каждый следующий элемент наследует синтаксическую позицию предыдущего и одновременно превосходит его по степени абсурда. Именно синтаксическая однородность при семантическом нарастании обеспечивает комический эффект снижения.

Третий прием – пародийное воспроизведение публицистического штампа. Фельетон «Русские варвары» (Задорнов, 2014а) построен как последовательность русофобских штампов западной публицистики с сохранением серьезного тона: *«Русские всегда были самые отсталые и недоразвитые. Ходили в непонятных штанах и носили зачем-то меха, когда все нормальные европейцы обматывались тряпками. Издавна были нетолерантны. Запрещали однополые отношения, а в просвещенной античной Европе мужчины любили любить друг друга»*. Пародируется жанровая форма – «просвещенное» высказывание о «варварской» России. Прием строится на аксиологической инверсии: клише «русские – варвары» сохраняется дословно, но за счет нового ряда аргументов (отсутствие рабства, библиотеки, театры, семейный уклад) приобретает противоположную – положительную – оценку. Сравним: *«У русских варваров даже не было рабства, какой позор!»* и *«Русские варвары врывались в среднеазиатские кишлаки, аулы и стойбища, оставляя после себя лишь библиотеки, театры и города»*. Читатель восстанавливает истинную оценку по принципу аксиологической инверсии: клише оппонента сохраняется дословно, но за счет нового ряда аргументов приобретает противоположное – положительное – значение. Прием выполняет одновременно идентификационную (понимающий иронию – «свой») и санкционирующую функции: тот, кто всерьез повторяет клише «русские – варвары», оказывается в смешном положении. Тем самым юмор обозначает ценностные границы групповой идентичности.

Четвертый прием создания комического – ироническая псевдоаргументация на основе синтаксического параллелизма. В том же фельетоне: *«Америка всегда была лучше России. Они первые сбросили на мирные города атомные бомбы. Первые слетали на Луну. Американец Сикорский изобрел вертолет. Американец Зворыкин – телевизор. Попов, Гагарин, Циолковский, Королев, братья Можайские... Конечно, все они были в душе американцами!»*. Исходный тезис с положительной оценкой «Америка всегда была лучше России» получает видимость

обоснования посредством ряда синтаксически параллельных высказываний. Однако эти аргументы логически и аксиологически неоднородны: сообщение об атомной бомбардировке мирных городов включено в один ряд с достижениями в освоении космоса, вследствие чего отрицательно оцениваемое действие формально представлено как национальное достижение. Известные деятели отечественной науки, техники и космонавтики иронически причисляются к американцам, что вступает в противоречие с фоновыми знаниями адресата. Заключительная оговорка «в душе американцами» доводит эту подмену национальной принадлежности до абсурда. Таким образом, внешне воспроизводя структуру доказательства, автор нарушает логическую связь между ними и тем самым не обосновывает, а дискредитирует исходный тезис о превосходстве Америки.

Все приемы подчинены общей задаче – снижению статуса западного образца. В результате адресат воспринимает западный образец как «чужой» и сниженный, тогда как принадлежность к «своему» культурному пространству получает положительную оценку. Таким образом, смех, утрачивая свойственную карнавальной культуре амбивалентность, приобретает однонаправленный характер: снижение «чужого» становится способом утверждения культурной состоятельности «своих».

Народная этимология как прием конструирования национально-языкового мифа

В третий период (2010–2017) центральным приемом становится этимологическое мифотворчество. Задорнов производил слова иностранных языков от русских корней (например, утверждал, что английское “paradise” происходит от «пара дис», “God” – от русского «год»), опираясь на народную этимологию. Эти построения находятся вне научного знания, однако в публицистическом контексте выполняют функцию утверждения через смех. Этимология М. Задорнова закрепляет мифологему в сознании аудитории о великом и древнейшем русском языке через смеховую форму, которая снижает барьер критического восприятия. Этимологические «открытия» выступают финальным звеном цепи: прецедентные тексты фиксировали связь с культурной традицией, оппозиция «мы – они» выстраивала образ превосходства, а мифотворчество давало этому превосходству псевдонаучное обоснование в юмористической упаковке.

Переход от языковой игры к этимологическому мифу прослеживается в фельетоне «Забавные выражения в русском языке» (Задорнов, 2015). Сатирик опирается на расхожее противопоставление синтетических и аналитических языков: *«Русский язык относится к синтетическим. То есть он гораздо более древний (но, конечно, в каком-то другом виде, не сегодняшнем), нежели языки рациональные западные, которые родились, когда человек стал больше думать по формулам, нежели образно»*. Далее идут собственно языковые наблюдения с очевидным комическим эффектом: *«Англичане говорят – “самолет приземлился”. А мы? У нас он садится. Куда, на что он садится?». Далее: “Котел испортился”. А у нас? “Полетел”! Куда он полетел? У него что, крылья есть?». И еще: “Нумерация вагонов у нас начинается с хвоста поезда. Где у поезда хвост?». Эта часть текста остается в пределах языковой игры. Однако тезис о древности и образности русского языка, в отличие от рациональных западных, переводит наблюдения в плоскость мифа о превосходстве.*

Трансформация функций смеха и влияние на менталитет

Карнавал у М. М. Бахтина предполагает смех, обращенный одновременно на все и на всех: смеется весь народ, объект осмеяния не закреплен за внешним врагом. Народная смеховая культура амбивалентна: смех «и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает» (Бахтин, 1990, с. 18). У М. Задорнова карнавальное начало постепенно уступает место мобилизирующему: на смену общему смеху приходит смех, направленный на внешнего противника. В первый период объектом осмеяния служит советский и постсоветский быт: высмеивались нецивилизованность и невежество российского человека, нелепость его поведения в западном мире. Смех здесь освободительный и катарсический. Во второй период объект осмеяния перемещается вовне, концентрируясь на «тупых американцах» и западных ценностях. В третьем периоде главным сюжетом становится мысль о том, что западная цивилизация словно скрывает великое русское прошлое. Смех теряет бахтинскую двунаправленность. В условиях постсоветского кризиса идентичности аудитория остро нуждалась в эмоциональной компенсации, снятии психологического напряжения и восстановлении самоуважения. Сатирик предложил готовую форму этой компенсации: перенаправив смех на внешний объект, он превратил карнавальный выход агрессии в патриотическую мобилизацию.

Реализацию санкционирующей функции смеха у позднего Задорнова рассмотрим на примере материала «Мы не рабы!» (2013а). Сатирик описывает ночную дискотеку в Риге как сцену общественного перевертыша: внизу располагается «безумная толпа» славянской молодежи, наверху, в VIP-зоне, бизнесмены, которые *«эту дискотеку организовали и которые собрали деньги с этой вялоумной массы»*. Далее автор формулирует моральный вывод почти проповеднического характера: *«Хитросплетенная” жрецами капитализма “демократия” превратила людей в рабов, которые в силу своей вялоумности думают, что они свободны!»*. Смех здесь отнесен на периферию. Его место занимает осмеяние нравов, против которых выстраивается ценностный ряд «мы не рабы». Переход этот происходит без разрыва с карнавальной формой. М. Задорнов сохраняет самоиронию, что предотвращает восприятие его дискурса как прямой пропаганды. Именно это и отличает мобилизационный смех: он не навязывает позицию, а предлагает разделить шутку.

Дискурс М. Задорнова закрепляет мифологемы («великий народ», «загадочная русская душа») в форме, которая кажется само собой разумеющейся и юмористически подтвержденной. Тексты сатирика не создают

образ «загадочной русской души» с нуля – они подтверждают и усиливают то, что аудитория готова принять. Потенциал юмористического дискурса в этом отношении охарактеризован следующим образом: «Юмористический дискурс дает материал для исследования национального характера носителей языка ... текст анекдотов может служить как эффективным средством персональной самоидентификации, так и средством осознания групповой национальной идентичности» (Лучкина, Мирзоева, Проценко и др., 2022, с. 255). Именно на грани между смехом и пониманием и появляется смеховой патриотизм: эмоциональная приверженность национальным мифологемам, опосредованная смеховой формой и потому воспринимаемая как народная, не-идеологическая. Отметим, что смеховая культура Задорнова стала формой долговременного культурного воздействия, тем более устойчивого, что оно было добровольным и воспринималось как развлечение. На уровне обывденного языка образы и формулы его монологов («ну, тупые!», «загадочная русская душа», «наш человек») вошли в разговорную речь как устойчивые обороты, то есть сами стали частью прецедентного фонда.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Сопоставление концепции народной смеховой культуры М. М. Бахтина, функциональной типологии А. А. Сычева и подходов к дискурсивному конструированию идентичности дает основание выделить в сатирическом медиадискурсе две производные функции смеха – идентификационную и мобилизационную. Идентификационная функция обеспечивает распознавание «своих» через общий культурный код, тогда как мобилизационная связана с консолидацией адресатов посредством однонаправленного снижения символического оппонента.

2. Функциональная трансформация смеховой формы высказывания в дискурсе М. Задорнова позволяет разграничить три периода. В 1990-е гг. преобладает обращенная «внутрь» карнавальная самоирония, поддерживающая переживание общности. В 2000-е гг. объект осмеяния смещается вовне, а конструктивной осью текстов становится оппозиция «мы – они». В 2010-2017 гг. смех включается в мифологическое повествование о национальном прошлом и приобретает преимущественно мобилизационную направленность.

3. Конструирование идентичностных смыслов обеспечивается системой взаимосвязанных языковых средств и стилистических приемов. Прецедентные тексты, трансформированные фразеологизмы и инклюзивное «мы» актуализируют общий культурный код; гипербола, градация, пародия и аксиологическая инверсия участвуют в снижении образа «чужого»; этимологическое мифотворчество придает ценностно маркированным суждениям форму квазидоказательного рассуждения. Функциональная значимость этих средств определяется их совместным участием в разграничении «своих» и «чужих».

4. Сопоставление выделенных периодов показывает, что переход от карнавальной амбивалентности к мобилизационной однонаправленности сопровождается изменением языковой и риторической организации сатирического дискурса: самоироническое узнавание постепенно уступает место внешнему противопоставлению и национально-языковому мифотворчеству. Смеховая форма высказывания не формирует патристические установки непосредственно, но создает дискурсивные условия, при которых аксиологически маркированные суждения включаются в разделяемый культурный код и функционируют как средство символической консолидации аудитории.

Результаты исследования следует интерпретировать с учетом ряда ограничений. Во-первых, объем корпуса ограничен и не позволяет делать статистически репрезентативных обобщений о всем творчестве сатирика. Во-вторых, исследование строится на анализе текста и не располагает данными об аудитории (опросы, эксперименты, данные о восприятии), поэтому выводы о воздействии на массовую аудиторию требуют дальнейшей эмпирической проверки. В-третьих, отнесение конкретных риторических приемов к тем или иным типам, равно как и определение функций смеха, предполагает элемент исследовательской интерпретации, вследствие чего границы между отдельными приемами и функциями в рамках иного методологического подхода могут быть проведены иначе.

Перспективы исследования связаны с изучением реакции аудитории на тексты патристически ориентированного сатирического дискурса, что позволит эмпирически уточнить роль смеховой формы высказывания в интерпретации аксиологически маркированных суждений и конструировании групповой и национальной идентичности.

Материалы исследования | Research materials

1. Задорнов М. Н. Вдруг откуда ни возьмись. М.: Эксмо, 2006.
2. Задорнов М. Н. Забавные выражения в русском языке. 2015. <https://zadornov.net/2015/08/zabavnie-vyrazeniya-v-russkom-yazike/>
3. Задорнов М. Н. Мы. 2016. <https://zadornov.net/2016/09/mi/>
4. Задорнов М. Н. Мы не рабы! 2013a. <https://zadornov.net/2013/09/mi-ne-raby/>
5. Задорнов М. Н. Мы – удивительные люди. 2012. <https://www.youtube.com/watch?v=8ZvZGFKPpYA>
6. Задорнов М. Н. Официальный сайт. <https://zadornov.net/>
7. Задорнов М. Н. Русские варвары. 2014a. <https://zadornov.net/2014/06/russkie-varvary/>

8. Задорнов М. Н. Сила славян в единстве! 2014b. <https://zadornov.net/2014/03/sila-slavyan-v-edinstve/>
9. Задорнов М. Н. Слава Роду и спасибо Президенту! 2013b. <https://zadornov.net/2013/11/slava-rodu-i-prezidentu/>
10. Задорнов М. Н. Страна за северным ветром. 2013c. <https://zadornov.net/2013/02/strana-za-severnim-vetrom/>
11. Задорнов М. Н. Что значит сегодня быть русским? 2014c. <https://zadornov.net/2014/04/chto-znachit-segodnya-bit-russkim/>
12. Задор ТВ: официальный YouTube-канал Михаила Задорнова. <https://www.youtube.com/@zadortv>

Источники | References

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Изд-е 2-е. М.: Художественная литература, 1990.
3. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. Изд-е 11-е. М.: Айрис-пресс, 2010.
4. Дускаева Л. Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура // Медиатекст как полиинтенциональная система: сборник статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб.: СПбГУ, 2012.
5. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи: сборник научных статей. Саратов, 1997. Вып. 1.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
7. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак; Языки славянских культур, 2007.
8. Крылова М. Н. Эвфемизмы в сатирических монологах (С. Т. Альтов, М. Н. Задорнов, Л. М. Измайлов, В. М. Коклюшкин, А. А. Трушкин) // Филология: научные исследования. 2020. № 11. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.11.34129>
9. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
10. Лучкина Н. В., Мирзоева С. А., Проценко И. Ю. Потенциал юмористического дискурса в постижении национального характера // Нацыянальны характар і спосабы яго ўвасаблення ў культуры і мове ва ўмовах мультикультурнага асяроддзя: электронны зборнік матэрыялаў II Міжнароднай навучнай канферэнцыі, Полоцк, 24-25 марта 2022 г. Новополоцк: Полоцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфросініі Полоцкай, 2022. <https://elib.psu.by/handle/123456789/36243>
11. От великого до смешного... Инструментализация смеха в российской истории XX века: сборник статей / ред. И. В. Нарский. Челябинск: Каменный пояс, 2013.
12. Сычев А. А. Природа смеха, или Философия комического. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2003.
13. Фефелова Г. Г. Комическое в произведении М. Задорнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8-2 (74).
14. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.
15. Billig M. Banal Nationalism. L. – Thousand Oaks: Sage Publications, 1995.
16. Koivukoski J., Laaksonen S.-M., Zareff J., Knuutila A. Challenging and Enhancing Legitimacy Through Humor: A Comparative Study of Candidates' Use of Humor on Facebook before the 2019 and 2023 Finnish Parliamentary Elections // Alternatives: Global, Local, Political. 2025. Vol. 50. No. 1. <https://doi.org/10.1177/03043754241272272>
17. Takovski A. How Ethnic Is Ethnic Humor? Theorizing a Relationship between Ethnic Humor and Identity // HUMOR: International Journal of Humor Research. 2025. Vol. 38. No. 2. <https://doi.org/10.1515/humor-2024-0113>

Информация об авторах | Author information

Егорова Людмила Геннадьевна¹, д. филол. н., доц.

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь

Lyudmila Gennadievna Egorova¹, Dr

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol

¹ legora@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.09.2026; опубликовано online (published online): 28.09.2026.

Ключевые слова (keywords): сатирический дискурс; функции смеха; оппозиция «мы – они»; прецедентный текст; Михаил Задорнов; satirical discourse; functions of humor; the “us – them” opposition; precedent text; Mikhail Zadornov.